

Статья впервые опубликована в сборнике «Военная интервенция и гражданская война в России (1918 — 1920 годы)». М. 2009. Сделана на основе доклада автора на одноимённой научной конференции, прошедшей в Москве 28 февраля 2009 года. Позднее доклад с рядом существенных дополнений был озвучен на Прямухинских чтениях 2009 года.

### **Социально-политические преобразования анархистов в России периода гражданской войны: самоуправление и этатизм.**

Исследователи анархистского движения в период Российской революции и гражданской войны (1917 — 1921) периодически обращаются как к взглядам анархистов на проблему строительства безгосударственного общества, так и непосредственно к проводившимся под их руководством социальным преобразованиям.<sup>(1)</sup> Между тем, как таковые, обобщающие исследования по проблеме анархистских социальных преобразований в 1917 — 1921 гг. отсутствуют. Это вряд ли справедливо, поскольку именно в указанный исторический период на территории бывшей Российской империи анархисты в условиях установления ими полного, или совместного с другими левыми силами, контроля над определённой территорией, пытались воплощать в жизнь анархистскую модель нового общества. В качестве наиболее крупных прецедентов такого рода можно выделить махновское движение на Украине (1917 — 1921 гг.), деятельность возглавляемого анархистами советского руководства в Бежецком, Краснохолмском и Весьегонском уездах Тверской губернии (весна 1917 - июль 1918) и Черемховском угольном бассейне Сибири (март 1917 — весна 1918). При этом ряд повстанческих движений, находившихся под руководством анархистов, как, например, восстание крестьян под руководством Е.Ф. Рогова и И.П. Новосёлова (май — декабрь 1920), не вели сколько-либо заметной конструктивной работы.

Ряд известных исследователей анархистского движения отметили в своих работах такую важную особенность социальных экспериментов анархистов, а также эволюции программных установок части анархистского движения в период гражданской войны, как обращение в теории и практике к элементам этатизма.<sup>(2)</sup> Для российских анархистов начала XX в. традиционным было отрицание прогрессивной роли государственной власти как в процессах общественного развития, так и в ходе социальной революции, в частности.<sup>(3)</sup> Государству теоретики анархизма противопоставляли стихийное выражение солидарности и взаимопомощи трудящихся, в едином разрушительном и творческом порыве революции сокрушающих государственную машину и начинающих строительство анархо-коммунистического общества. Предполагалось (особенно ярко эту точку зрения выражали анархо-синдикалисты), что роль рычага социальных преобразований сыграют свободные общественные объединения, созданные самими трудящимися для защиты своих классовых интересов в повседневной экономической борьбе (рабочие и крестьянские союзы, кооперативы, коммуны, культурные и научные ассоциации, сельские поземельные общины). По мысли П.А. Кропоткина и его учеников (Г.И. Гогелия, М.И. Гольдсмит и др.), складывающиеся в этих структурах отношения самоуправления, федерализма, солидарности, должны были подготовить широкие слои населения к восприятию идей анархизма.<sup>(4)</sup>

Впрочем, уже в 1900-е — 1910-е гг. при попытках теоретиков решить этот вопрос, наблюдаются корректировки в отношении взгляда на роль властных структур в

социальных преобразованиях анархистов. Их основная причина - ограниченное влияние анархистских организаций, что показали как опыт рабочего движения в передовых капиталистических странах мира, так и события российской революции 1905 – 1907 гг. Уже в 1906 г. один из теоретиков еврейского анархистского движения, выходец из России Я.-А. Мэрисон (настоящая фамилия - Ерухимович) в статье «Анархизм и политическая деятельность» призвал анархистов к участию в парламентской борьбе.(5) Наиболее серьёзно в признании роли централизованных властных структур в процессе социальной революции продвинулись анархисты, участвовавшие в революционно-синдикалистском рабочем движении стран Европы и Америки. Разрабатывая проекты социальных преобразований, они последовательно проводили идею о сосредоточении не только функций координации (что было традиционно для анархистов), но и управления, в руках демократически избираемых, но всё же — наделённых властью органов парламентского типа («Конфедеральный съезд» ВКТ в книге Пато и Пуже «Как мы совершим революцию»). Такую же роль должен был играть «индустриальный» парламент, модель которого фактически представлена в программных документах организации «Индустриальные рабочие мира».(6) Этатистские элементы в представлениях членов ИРМ о будущем обществе интересны, поскольку эта организация, как и ВКТ, представлялась российским анархистам эталоном организационных форм рабочего движения. К проблеме этатистских форм, как этапа, предшествующего строительству анархического общества, обращались и российские анархисты. В 1906 г. теоретик анархо-индивидуализма А.А. Боровой обосновывал необходимость установления строя «государственного социализма», как стадии «экономической подготовки» и «подготовки психологической» к безгосударственному обществу.(7) Тогда же ученик Кропоткина, И.С. Книжник-Ветров выразил мысль о возможности эволюции анархистского общества к централистской форме общественной организации: «На основании свободного соглашения возможно установить самую сложную централизацию и детальнейшее разделение труда, всякий раз когда это для интересов хозяйства или культуры представляется необходимым, но в то же время не противоречит принципам личной свободы».(8) К близким выводам пришёл уже в 1914 г. П.А. Кропоткин, сформулировавший в «Письмах о текущих событиях» (1914 — 1918 гг.), а затем развивший в своей речи на Государственном совещании (14 августа 1917 г.) в Москве и в программных документах «Лиги федералистов» (1918 г.), идею о преобразовании России в конфедеративную демократическую республику с широкими правами местного самоуправления, близкую по форме политического устройства Швейцарии.(9) При этом права центральной власти сводились к минимуму. Все, касающиеся общенационального уровня решения (по армии, внешней политике и общенациональным предприятиям), должны были выработываться на основе «договоров провинций», а не указов правительства.(10) Всё это, полагал он, объективно означает установлению предпосылок для формирования анархо-коммунистических отношений. Наиболее серьёзный вклад в ревизию представлений анархистов о роли властных структур в социальных преобразованиях внёс в 1915 – 16 гг. Л.И. Фишелев (псевдоним «Максим Раевский»). Исходя из того, что революционно-синдикалистские профсоюзы, руководимые анархистами, в большинстве наиболее развитых капиталистических стран, охватывают лишь меньшинство рабочего класса по сравнению с реформистскими профсоюзами, он пришёл к выводу о неготовности рабочих к немедленной анархо-коммунистической революции. В качестве альтернативы он выдвигал идею о переходном периоде «синдикалистского строя», «осуществимого только в результате захвата власти рабочими синдикатами», периода власти профсоюзов в экономической сфере. Оказавшиеся под контролем федерации профсоюзов и утратившие большую часть своих функций, государственные структуры, по мере расширения рабочего самоуправления, должны были постепенно отмереть. Исходя из практики рабочего движения I Российской революции 1905 — 1907 гг., Фишелев указал на возможные формы новой власти в России

– Советы рабочих депутатов, представлявшие собой собрания делегатов профсоюзов, предприятий и служб.(11)

Революционные события 1917 г. первоначально вселили в анархистов надежды, на скорую осуществимость модели социальной революции по М.А. Бакунину и П.А. Кропоткину.(12) Процессы радикальной демократизации всех сторон общественной жизни, связанные с формированием многочисленных органов народного самоуправления (Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, фабрично-заводских комитетов, комитетов воинских частей и т.д.), трактовались многими анархистскими публицистами как проявление анархических тенденций в социальных движениях. «Нет больше государства, а есть Совет, который должен стать политической формой самой маленькой деревни! Нет частной собственности и нет собственников, а есть общественная собственность, вольная фабрика-коммуна и фабзавком должен сделаться экономической формой синдикализма! Нет армии — её заменила Красная гвардия, то есть вооружённый рабочий и мужик! Нет помещика-плантатора, остался трудовой мужик и ассоциированное земледелие, которое должно было вытеснить кулачский индивидуализм крестьянина! Начала строиться Всероссийская коммуна без бога, без царя и без хозяина»,(13) - в таком, весьма оптимистическом варианте уже в 1920-е годы излагал свои взгляды на российскую действительность того времени анархо-синдикалистский публицист Г.П. Максимов. Однако надежды на стихийную анархизацию масс трудящихся не оправдались. Обстоятельства гражданской войны и интервенции (особенно - необходимость защиты социальных завоеваний революции) послужили немаловажными факторами корректировки программных установок части анархистского движения. Первая серьёзная попытка такого рода была предпринята представителем анархо-коммунистов А.М. Атабекяном (1918). Учитывая маловероятность скорой мировой революции, он фактически предлагал перейти к построению анархистской модели социализма в одной отдельно взятой стране. Исходя из этого Атабекян указывал на необходимость создания революционной армии с единым командованием и даже оперировал еретическими для классического анархизма терминами «революционный патриотизм», «анархическое государство», «анархическая республика» и т.п. Государственное устройство Российской Советской Федеративной Республики по планам Атабекяна следовало перестроить путём взятия на себя народными самоуправленческими структурами, возникшими в ходе революции (советами, объединениями кооперативных предприятий и банков, фабзавкомами, профсоюзами, домовыми комитетами) и их объединениями функций экономического регулирования и государственного управления. Предполагалась широкая автономия регионов. В основу экономических преобразований Атабекян предлагал заложить принцип доминирования кооперативного самоуправленческого сектора в промышленных центрах при преобладании традиционного крестьянского хозяйства и частного сектора в остальных регионах. 2 апреля 1918 г. этот проект был принят Клининским уездным советом Рабочих и Солдатских депутатов, где большинство имели анархисты, но не получил дальнейшего развития.(14)

Часть идеологов анархизма в обстоятельствах гражданской войны шло ещё дальше Атабекяна, делая выводы об исторической обусловленности и объективности чрезвычайных методов мобилизации и военной диктатуры со стороны большевиков. Наиболее близок к такой точке зрения оказался один из лидеров анархо-синдикалистской группы «Голос труда» И.С. Гроссман: «...Чтобы создать не абстрактную систему свободных соглашений, а реальную силу — необходимо создание производственного организма... Необходимости государственной надо противопоставить необходимость, вытекающую из логики автономного производства, ибо эта необходимость и предполагает трудовую свободу. А всемирный империализм путём блокады, нашествий не даёт нам сделаться производственным организмом. Он заставил нас заменить логику производства — мать свободы — логикой военщины — мать государственной необходимости. Отсюда: победите мировой империализм и вы победите механическую государственность. ...При

логике военщины невозможна база нашей антигосударственности — автономное производство в широком масштабе, невозможна ни для анархистов, ни для большевиков!». И далее: «...Военщина — мать авторитарности». Отсюда, он делает вывод, что и анархисты на месте большевиков неизбежно должны были бы действовать по логике военной диктатуры: «...психология военщины самой свободной (и повстанческой, товарищи, идеализирующие то, чего не знают) авторитарная».(15) Политика «военного коммунизма» обратила внимание части анархистских публицистов на возможность проведения преобразований в духе «анархо-коммунизма» «сверху». Если Гроссман лишь положительно оценивал политику большевиков, то М. Головинский и Я. Нерсей, анархо-коммунисты, сторонники лояльно относившегося к большевистской диктатуре А.А. Карелина (лидера Всероссийской федерации анархистов-коммунистов), в 1918 — 19 гг. на страницах журнала «Вольная жизнь» предлагали советскому правительству ряд переходных к анархо-коммунистическому строю мер: отмена денежного обращения, отказ от карточной системы и переход к непосредственному распределению продуктов на основе трудовых книжек, передача профсоюзам функций регулирования экономической жизни страны при сохранении функций планирования за государственными органами.(16)

Здесь мы вплотную подходим к проблеме социальных преобразований. Прежде всего, необходимо отметить, что социальные эксперименты анархистов на подконтрольных им территориях имели очень разный характер, как с точки зрения отношения к власти, так и с точки зрения экономических преобразований. В первую очередь, следует выделить попытки социальных экспериментов, в ходе которых анархистам удалось в какой-то мере осуществить частичные преобразования в синдикалистском и анархистском духе. Такая обстановка сложилась в Гуляй-польской волости Александровского уезда Екатеринославской губернии на Украине (март 1917 — середина апреля 1918, ноябрь 1920 г.), в контролируемых махновскими частями волостях Екатеринославской и Таврической губерний (конец ноября 1918 — начало июня 1919 гг.), в Черемховском угольном бассейне под Иркутском (декабрь 1917 — весна 1918 гг.), в Макаровской волости Весьегонского уезда Тверской губернии (июнь - декабрь 1917 г.). В случае этих экспериментов весьма интересно сочетание следования ортодоксальным анархистским принципам с использованием определённых элементов власти. Анархистам здесь удалось добиться успехов при фактическом взятии ими властных позиций. В Гуляй-Поле Махно одновременно занял руководящие посты в органах власти (председатель Совета, председатель «Комитета защиты революции», комиссар милиции) и местных общественных организациях (одновременно - председатель крестьянского союза, профсоюза, больничной кассы взаимопомощи). В Черемховском районе А. Буйских занимал посты председателя профсоюза шахтёров (с марта 1917 г.) и председателя президиума исполкома Черемховского совета рабочих и крестьянских депутатов (с 1 — 4 ноября 1917 г.). Анархо-индивидуалист И.Е. Мокин, руководивший крестьянским движением в Макаровской волости был избран крестьянами председателем волостного земства, а с 17.12.1917 г. - председателем волостного Совета крестьянских депутатов.(17) Однако, следует отметить, что здесь, всё же, не наблюдалось существенного отрыва от анархистских представлений. Ведь в условиях выборности и реальном контроле власти со стороны избирателей (при системе сельских сходов в Гуляй-Поле и Макаровской волости и небольшой численности населения подконтрольных анархистам территорий), зависимости от массовых организаций, власть Махно, Буйских и Мокина сужалась до ситуации, когда, по словам исследователя А. Скирды «на нём большая ответственность, но власть его мала».(18) Да и вооружённые отряды, на которые опирались в это время анархисты («Чёрная гвардия» в Гуляй-поле и Красная гвардия в Черемхово в этот период фактически представляли собой не более, чем ополчения, сформированные на добровольной основе, что, в целом, соответствовало анархистским принципам).(19)

Частичное соответствие преобразований принципам анархистской идеологии придавала и опора на систему общественных и политических организаций, обеспечивавших массовую поддержку населения. В Гуляй-Поле 1917 — 18 гг. это были «Союз крестьян Гуляй-Поля», комитет батраков, профсоюз рабочих металлургической и деревообрабатывающей промышленности.(20) В Черемхове роль массовой опоры преобразований играли Черемховский профсоюз горнорабочих, в котором доминировали анархисты, и 9 избранных рабочими рудничных комитетов района.(21) В Макаровском эксперименте поддерживавшими преобразования общественными институтами стали сельские и волостные сходы.(22) В Гуляй-Поле и Черемхово большую роль сыграли анархистские организации, осуществлявшие де-факто политическое руководство движением («Группа анархистов-коммунистов» Гуляй-Поля в 1917 — 18 гг., Гуляйпольская группа анархистов-коммунистов «Набат» в 1918 — 19 гг. и, наконец - имевшая разветвлённую структуру из групп на всех рудниках района Анархистская федерация в Черемхово).(23) Однако, следует учитывать, что преобразования анархистов были продиктованы требованиями их социальной базы. Так, в Гуляй-польском районе и Макаровской волости, большую часть населения которых составляли объединённые в общину крестьяне-середняки, на первое место вышла аграрная реформа, представлявшая собой «чёрный передел» помещичьих и кулацких земель в пользу безземельных крестьян, бедняков и середняков. В Гуляй-поле за крупными землевладельцами были сохранены небольшие наделы, часть скота и орудий труда для индивидуального ведения хозяйства. Важно отметить, что попытки анархистов создать на принципах добровольности сельскохозяйственные коммуны не получили широкой поддержки крестьянства. В коммуны, созданные на базе бывших немецких колоний Нейсфельд и Классен, объединявшие около 400 участников, вошли только безземельные крестьяне и батраки. Здесь наиболее ярко выразились анархистские принципы, поскольку власть в коммунах принадлежала общему собранию, при формальном равноправии участников(24) В Гуляй-поле рабочие заводов Кернера, Кригера и гуляй-польских мельниц отвергли, как преждевременные, предложения анархистов о захвате предприятий и денежных средств в местном банке, отложив их до проведения аграрной реформы. Решение «Комитета защиты революции» о разоружении местной буржуазии, отмене прав собственности её представителей на земли и предприятия, принятое в конце августа 1917 г., также не было осуществлено. В итоге анархисты ограничились введением рабочего контроля на предприятиях, оставшихся в руках владельцев.(25) В Черемхове, где угледобывающая промышленность составляла основную отрасль экономики, экономические преобразования были направлены на социализацию производства. Первые меры были стихийно предприняты уже в мае 1917 г., когда под руководством Буйских рабочие взяли в коллективную собственность один из рудников и завод, передав предприятия под управление рабочих комитетов и назначив предпринимателю пенсию в размере 4 % от его бывшего дохода. Окончательно социализация (путём передачи в собственность Черемховского совета рабочих и крестьянских депутатов при полном управлении на местах со стороны рудничных и заводских комитетов, избранных трудовыми коллективами) рудников и заводов была проведена лишь в конце декабря — начале января 1918 г. Но и здесь первое предложение о социализации копей (начало ноября 1917 г.) было рабочими отвергнуто.(26) Ряд мер анархистского руководства были продиктованы не столько требованиями анархистской идеологии, сколько необходимостью социальной защиты населения в условиях экономического кризиса и нарастающей разрухи в экономике. Сюда относятся меры по повышению заработной платы. В Гуляй-поле летом 1917 г. её рост составил 80 — 100%. В Черемхово — на повышение зарплаты были брошены все основные средства Совета и рудников. В итоге размер зарплат рабочих и служащих здесь в 1,5 — 2 раза превысил оплату труда в других районах Сибири. В апреле 1918 г., повысив закупочные цены на уголь анархисты добились повышения оплаты труда шахтёров на 150 %, в

результате чего средний дневной заработок шахтёра в Черемхово вырос с 30 до 75 рублей, при том, что такой же заработок шахтёров в других регионах Сибири не превышал 15 рублей в месяц.(27) Понятны с этой точки зрения и реквизиции, имевшие целью оказание социальной помощи населению. В Черемхово весной 1918 г. были произведены раздел среди рабочих имущества подсобного предприятия по откорму свиней и Троицкого спиртового завода. В Гуляй-поле была проведена конфискация в местном отделении банка 2,5 млн. руб., распределённых между учреждением для военных сирот, отделом снабжения совета и революционным комитетом. В Макаровской волости - реквизиция хлеба у помещика Измайлова, пытавшегося вывезти его за пределы имения с последующим распределением среди остро нуждающихся крестьян.(28) Вполне объяснимы и такие явления, как попытки отдела наладить прямые экономические связи с московскими предприятиями (обмен хлеба на ткани, осуществлённый в конце 1917 г. отделом снабжения Гуляй-польского совета).(29)

Заметим, однако, что эти преобразования проводились до начала гражданской войны, либо на её ранней стадии, когда анархисты ещё имели возможность, не будучи обременены необходимостью организовывать оборону, относительно бескровно удерживать контролируемые ими районы. При том, что в период социального эксперимента махновцев в находившихся под их влиянием нескольких десятках волостей Екатеринославской и Таврической губерний, преобразования не отличались от периода 1917 — 1918 гг. (передел земли, создание на добровольной основе сельскохозяйственная коммуны им. Розы Люксембург, насчитывавшей около 300 человек),(30) в 1918 — 19 гг. ситуация изменяется в сторону постепенной централизации управления, обусловленной близостью фронта против белых. Как писал А.А. Штырбул применительно к сибирским партизанам, воевавшим против Колчака, «военная обстановка диктовала необходимость таких форм управления, а фактически — власти, как ...повстанческие штабы и ревкомы. На войне свои законы и анархисты должны были им следовать».(31) Необходимость обороны освобождённого района от отрядов украинских националистов, белогвардейских сил и интервентов, приводит к объединению повстанческих отрядов в единую армию сочетающую принципы анархистской организации (выборность командиров, добровольность) с сильными элементами централизации (оперативное подчинение единому штабу во главе с Н. Махно и В. Белашем), введённой по инициативе съезда делегатов партизанских отрядов на станции Пологи (3 — 4 января 1919 г.).(32) На первое место в политической жизни махновского «освобождённого района» выходят повстанческие части, которые постепенно передают власть свободно избранным волостным и уездным советам. Более того, командование сначала махновской бригады, затем — дивизии, а впоследствии — Повстанческой армии стремится опираться на регулярно созываемое представительство населения контролируемой территории, согласуя с ним принятие решений по вопросам гражданского управления (3 съезда рабочих, крестьян и фронтовиков-повстанцев, в каждом из которых принимали участие представители от 72 до 350 волостей Екатеринославской и Таврической губернии 23.01., 12.02. и 10.04.1919 г. и IV съезд, так и не созванный, но подготовленный на 15.06.1919 г.). Как правило — эти органы принимали решение о мобилизации в махновскую армию, формулировали политическую программу движения (например - выдвинули лозунг «вольных беспартийных советов»), организовали снабжение армии, избрали районный Военно-Революционный совет (ВРС). Последний фактически был исполнительным органом, располагавшим между съездами широкими полномочиями принятия решений по политическим, социально-экономическим вопросам.(33)

Период 1919 — 1921 гг., когда анархистам пришлось вступить в достаточно жестокую схватку с белыми и красными за контроль над определёнными регионами, отмечен уже гораздо более чётко проявившимися чертами военной диктатуры, хотя и в достаточно мягком для гражданской войны варианте. Уже в период наступления белых в Сибири в августе 1918 г. группа командиров-анархистов (Лавров, Пережогин, Караев и др.),

организовавших в Верхнеудинске заговор с целью свержения власти коммунистического руководства Центросибири и Прибайкальского иполкома Советов, поставили своей целью установить именно «военную диктатуру анархистов-интернационалистов».(34) Впрочем, до конца неизвестно, что именно они подразумевали под этим термином. Более точный характер временная военная диктатура получила в созданном в тылу белых районе, освобождённом Революционной повстанческой армией Украины (махновцев) и охватившем в октябре - декабре 1919 г. районы Александровска, Екатеринослава, Бердянска, Николая.

Своеобразная военная диктатура осуществлялась достаточно широко силами Штаба РПАУ и назначенных им комендантов городов. Последние имели власть не только над военными, но издавали приказы, касавшиеся и гражданских лиц. К числу последних можно отнести, например: денежные реквизиции у представителей буржуазии, запрет на продажу алкоголя в Екатеринославе, приказ домовладельцам о приведении «в должное санитарное состояние домов с прилегающими к ним площадями» и т.д. Существовала и военная цензура — публикации о военных действиях в прессе можно было осуществлять лишь со ссылкой на официальную газету РПАУ «Путь к свободе».(35) «Экономическая независимость» предприятий также подвергалась сомнению в том пункте, что призывая рабочих устроиться на принципах «самокупаемости», махновское командование отказывалось оплачивать работы по военным перевозкам и ремонту орудий. Через «Отдел социального обеспечения», организованный при штабе РПАУ в Екатеринославе, армия осуществляла и функции оказания помощи нуждающимся: ассигнование средств профсоюзам для помощи рабочим», выделение пособий членам семей бойцов РПАУ, бывшим узникам тюрем и безработным, продуктовая и денежная помощь детским приютам и больницам.(36) Военная власть, между тем, была достаточно мягкой по сравнению как с порядками, насаждаемыми денкинцами, так и советской властью. Как провозглашали программные документы и обращения махновской армии, её политика должна была сводиться к организации на анархистских началах местного самоуправления. (37) Занимая города и сёла, махновцы обращались к населению с призывом приступить к выборам делегатов профсоюзных конференций, местных советов и конференций делегатов. Так, в Александровске были проведены две конференции рабочих, а 27.10. - 2.11.1919 г. - районный съезд, 2.11.1920 г. - уездный съезд в Николае. Как и в ситуации 1919 г., съезды решали вопросы мобилизации и снабжения армии, созыва следующих съездов и конференций по социально-экономическим вопросам, приняли в качестве своей политической программы концепцию «вольных советов».(38) На территории освобождённого района были введены свобода слова, собраний и печати для всех социалистических сил. Следует отметить, что в этой ситуации Махно, под влиянием реалий войны и экономической разрухи пытался призывать население к преобразованиям в духе производственного самоуправления, пытаясь сочетать их с попытками обеспечить меры по элементарному выживанию населения. К последним следует, в частности, отнести и призыв к железнодорожникам Александровска (кстати, воплощённый ими в жизнь) организовать управление на кооперативно-самоуправленческих основах при свободном регулировании платы за услуги.(39) На первый план среди проблем социального строительства выступили вопросы элементарного спасения от голода и нужды населения. К такого рода чрезвычайным мерам можно отнести конфискацию банковских средств и контрибуции, налагавшиеся в этот период на буржуазию, предпринимательские круги городов и служившие основным источником финансирования Повстанческой армии. К таким же мерам следует отнести и разрешение запустить в оборот все виды денег, имевших хождение в стране на тот момент — что, дало возможность оживить мелкую торговлю и спасти население от голода.(40) Однако, для военных властей РПАУ было характерно стремление передать все полномочия по решению социально-экономических вопросов в руки делегатов местных рабочих и крестьянских объединений, что в целом свидетельствует о стремлении

придерживаться анархистской политической линии. Наибольшего размаха либертарные преобразования принимают в махновском районе в период союза Махно с красными (ноябрь 1920 г.). Временное прекращение военных действий с Красной Армией, удаление фронта от района способствуют налаживанию конструктивной работы. В этот период здесь устанавливается власть переизбранного волостного Совета. Однако, главную роль в принятии решений в Гуляй-Поле играют не советы, а общие собрания. Так, на сходах обсуждалось и 25 ноября 1920 г. было принято положение «О вольном трудовом Совете», избираемом на беспартийной основе крестьянами и рабочими, подконтрольном воле избирателей через систему наказов. 7 ноября — собрание рабочих и служащих Гуляй-Поля приняло решение о развитии кооперации. Вводится самоуправление на предприятиях. Так, в исследовании Шубина зафиксированы факты принятия решений собраниями рабочих и служащих мельницы Кемах и завода «Богатырь» о найме, сбыте продукции, ценах, закупках сырья и техники. Причём, как и в более ранний период махновщины, управление предприятиями переходит в руки общественных организаций (профсоюза и выборного фабзавкома), координирующих свою деятельность с выборным заводоуправлением. Вместе с тем были предприняты попытки создания системы социального обеспечения через общественные организации (кооператив при профсоюзе). Так, предприятия передавали часть производства в кооператив для уравнительного распределения между всеми членами профсоюза. Определялись также льготные цены для членов кооператива, покупавших муку на связанной с кооперативом мельнице.(41) Ряд социальных экспериментов, проведённых под руководством анархистов в 1918 г., содержал тенденцию, противоположную политике Махно и Буйских, ориентированную на открытую этатистскую диктатуру. Подобная политика характерна для трёх уездов Тверской губернии (Бежецкого, Краснохолмского и Весьегонского), где весной 1918 г. анархисты заняли ведущие должности в административном аппарате.

### **Сидоров-Кашеев**

В Краснохолмском уезде 10 марта 1918 г. уездный Совет возглавил анархист П.А. Магунов. Он же одновременно занимал пост комиссара по народному образованию. Анархист А.А. Седов занял одну из ключевых должностей — административного, финансового комиссара уезда, а на некоторое время и комиссара по военным делам и охраны. В Бежецком уезде в марте - июле 1918 г. уездный исполком возглавил анархо-коммунист А.Г. Зуев, Бежецкий уездный совет (с июля 1918 г. и уездный исполком) - анархист Л.А. Алексеев. В Весьегонском уезде по решению I Чрезвычайного уездного съезда советов (28 января 1919 г.) сочувствующий анархистам Н.Д. Долгирев получил пост председателя уисполкома, анархист Мокин - пост комиссара обложения, труда, промышленности и торговли.(42) Логика анархистов в данном случае была довольно простой. Так, Л. Алексеев утверждал: «я был занят организационной работой Советской власти, которую считаю и признаю как переходную власть к анархизму...».(43) К тому же, в отличие от имевших солидный стаж в анархистском движении, и к тому же — разбиравшихся в теории анархизма Н. Махно и А. Буйских, к руководству здесь пришли, по большей части, политически неграмотные, но весьма авторитарные лидеры. Ярким примером здесь являлся Зуев - именовавший себя «независимым анархистом-коммунистом», лишь в начале апреля 1918 г. примкнувший к анархистам. Насколько «независимо» он себя чувствовал по отношению к принципам анархизма свидетельствует следующее его заявление: «Раз анархисты стоят на принципе безвластия, то пусть они стоят, а я с ними не согласен, вот почему я независимый. Товарищи, которые говорили долой власть, мною считались как губители власти революционного пролетариата».(44) Здесь можно привести мнение бежецкого учителя



А.Г. Кирсанова, достаточно хорошо характеризующее местных анархистов, которому «они представлялись не как убеждённые анархисты, а как группа молодых людей, увлечённых свалившейся на их плечи полнотой власти и не сумевших вовремя взять в руки свои низменные инстинкты».(45) В отличие от Зуева Алексеев первоначально предлагал принципиально иной путь анархического строительства — начинать с создания маленьких анархистских коммун, не занимая постов выше рядовых депутатов совета и членов исполкома.(46)

В отличие от своих коллег в Черемхово и на Украине, бежецкие анархисты после прихода к власти отбросили сам анархизм и фактически взяли курс на осуществление политики в духе «военного коммунизма» или же нэповского государственного капитализма ещё задолго до официального их провозглашения. В основе действий анархистов Тверской губернии лежало стремление подтолкнуть социальную революцию путём экспроприации собственности буржуазии. В Краснохолмском и Бежецком уездах эта политика получила выражение в неоднократном обложении чрезвычайными налогами и штрафами (сборы составляли миллионы рублей) состоятельных слоёв уезда, главным образом — зажиточной части крестьянства и национализация в уезде промышленности и торговли. В Бежецком уезде уже с конца февраля 1918 г. по инициативе А.Г. Зуева уездный совет начал проводить меры по обложению чрезвычайными налогами местной буржуазии (всего — до 2 млн. рублей за февраль — март и плюс — сборы за право уклониться от трудовой повинности и на содержание Красной гвардии — по 100 рублей) и крестьянских волостей (по 50 — 75 тыс. рублей с каждой). Некоторые купцы, вынужденные платить по 75 тыс. рублей в месяц, были в кратчайшие сроки разорены. Ещё до начала политики «военного коммунизма» в уезде была введена трудовая повинность для граждан обоего пола 18 — 45 лет. Проводились Советом и повальные обыски в домах буржуазии с целью найти спрятанные продукты и оружие.(47) Добытые средства использовались для поддержки социальной базы (как, например, - распределение среди беднейшего крестьянства товаров, реквизированных в процессе национализации краснохолмских торговых рядов). Некоторые чрезвычайные меры в Бежецком уезде были проведены также с целью обеспечить элементарное выживание населения. Так, постановление IV уездного съезда Советов о реквизиции излишков хлеба (при оставлении нормы 25 фунтов на человека в месяц) было продиктовано необходимостью помощи Чижевской волости, где голодало 1500 человек.(48)

4.03.1918 г. IV уездный съезд Советов по инициативе местных анархистов и большевиков провозгласил национализацию торговли и промышленности в Бежецком уезде. Поскольку главным носителем власти в Советской России считались Советы, которые, с точки зрения части анархистов, были социальным институтом, пригодным для перехода к анархизму, национализация вполне могла рассматриваться, как переход производства в руки народных организаций переходного типа, предшествующий социализации производства. В Под управлением комиссариата торговли и промышленности в «общенародную» собственность должны были перейти все торговые и промышленные предприятия с инвентарём и товарами. Торговля могла проводиться только в «народных лавках», подведомственным уездному и волостным советам. Итогом такой реформы стали разрушение торговли, рост цен на продукты питания, введение централизованных закупок товаров советом, продуктовых карточек, закрытие большинства магазинов, рост бюрократического аппарата, зарабатывавшего на национализации торговли.(49) Провал этой затеи был настолько очевиден, что уже 20.06 — 1.07. 1918 г. на VI уездном съезде Советов в Бежецке сам Зуев пытался выдвинуть в качестве альтернативы идею о вступлении всего населения в кооперативные организации и передаче им права закупать товары на льготных условиях.(50)

Немалую роль в выборе политики анархистов-практиков уездного масштаба сыграли условия 1918 г. (экономическая разруха, надвигающаяся гражданская война), в которых

анархисты часто должны были полагаться на собственное разумие, а не на идеи классиков либертарной мысли. К тому же — далеко не все из них, видимо, разбирались в теории анархизма. Популярность местных анархистов среди крестьян-бедняков, рабочих и демобилизованных солдат, полученная вследствие радикализма лозунгов, не была подкреплена ни созданием мощной организации (федерации бежецких и краснохолмских анархистов были основаны лишь накануне свержения их власти большевиками), ни распространением анархистских идей среди населения.(51) Практически единственной мерой, отвечавшей идеям негосударственного самоуправляющегося общества, способствующей преодолению отчуждения работников от средств прооизводства, была организация на выделенной уисполкомом земле Бежецкой трудовой сельскохозяйственной коммуны, в которую объединились 28 крестьян-бедняков (в том числе — 10 анархистов). Коммуна также не встретила симпатии со стороны крестьян, видевших в коммунарах конкурентов в борьбе за переделы земли.(52) Другим заметным практическим проявлением анархизма со стороны группы Зуева был фактически взятый курс на конфедеративные отношения с Тверью и Москвой, что выразилось в ответе Бежецкого совета на распоряжение СНК РСФСР о недопустимости самовольных контрибуций и продовольственных налогов: «Ни Петроград, ни Москва, ни Тверь нам не указ. У нас своя республика и свои порядки».(53) В Весьегонском уезде уже упоминавшийся нами И.Е. Мокин стал инициатором проведения экономической политики в духе государственного капитализма. Первоначально он, как и его бежецкие товарищи, проводил чрезвычайные меры в ультралевом духе (обложение чрезвычайным налогом промышленников и купцов, установление со стороны исполкома управления кассой Кооперативного союза). В то же время, будучи сторонником идей основоположника анархо-индивидуализма Макса Штирнера, Мокин исходил из того, что полное огосударствление экономики не отвечает интересам личности, поскольку только на основе взаимной эгоистической заинтересованности можно создать стимул к производительному труду. Исходя из этого, в апреле — мае 1918 г. национализированные ранее предприятия (лесоильный и кожевенный заводы) были им переведены на хозрасчёт и переданы в управление бывшим владельцам. Совет оказывал предприятиям помощь, освободив купцов от контрибуций и налогов, поставляя необходимые станки и гарантировав им определённый процент от прибыли. По мнению В.П. Суворова, опыт Мокина по строительству государственно-капиталистической модели экономического развития при переходе к НЭПу приводился в пример В.И. Лениным, ознакомившимся с ним по книге весьегонского анархо-индивидуалиста А.И. Тодорского «Год с винтовкой и плугом».(54) Близкие Мокину проекты пытался выдвигать и Алексеев. Отвергая идеи национализации торговли, он предлагал ограничиться национализацией промышленности при сохранении свободы торговли, которую следовало передать на хозрасчётных принципах получающим проценты от прибыли профессиональным торговцам со свободным графиком труда. Правда, из оборота частной торговли, полагал Алексеев, следовало изъять продовольственные товары, которые должны продаваться исключительно кооперативами, имевшим в тех местах достаточно развитую сеть (в одном Весьегонском уезде — до 150 кооперативных обществ, входивших в единый Весьегонский кооперативный союз).(55) В силу отсутствия серьёзной поддержки со стороны широких социальных слоёв, сильной организации и политики, последовательно проводившей в жизнь идеи анархизма, местные анархисты достаточно быстро утратили свой авторитет, а затем и власть. В Краснохолмске для этого оказалось достаточно произошедшей 1 мая 1918 г. пьяной драки с попыткой со стороны Седова применить оружие, после чего анархисты Седов, Магунов и Лярский были отстранены от занимаемых должностей за дискредитацию политики Советской власти и заменены большевиками. Похожая ситуация произошла и в Бежецке, где анархисты были свергнуты подпольным большевистским ВРК в результате стихийного бунта на митинге красноармейцев.(56)

Проводя параллель между идейной эволюцией «теоретиков» и преобразованиями, проводимыми со стороны анархистов-«практиков», следует отметить, что многие из последних (в том числе Махно, Зуев, Мокин, Буйских и многие др.) не играли большой роли в крупных анархистских организациях. Как правило, это были рядовые активисты движения, работавшие в непосредственном контакте с его социальной базой (крестьянством, рабочими, бойцами повстанческих отрядов) и потому их в большей степени отличала готовность отражать конкретные требования масс. Невысокий уровень политической подготовки, в ряде случаев — изоляция глубинки страны от влияния идеологических мэтров движения, как ни странно, имела, в отдельных случаях и такой положительный результат, как отсутствие догматизма и готовность искать пути к решению программных задач с учётом требований момента. Кроме того, участие в военном и экономическом строительстве в условиях гражданской войны неизбежно заставляло прибегать к мерам, нестандартным с точки зрения анархистской идеологии. Всё это приводило к серьёзным отклонениям анархистов-«реформаторов» от кристальной чистоты теоретиков. Так, Н.И. Махно уже в апреле 1920 г. разработал проект «Декларации махновцев», который отличался от предыдущего провозглашением переходного периода в виде «диктатуры труда» в форме власти Советов и управления экономикой со стороны профсоюзов. Однако ни «Декларация» Махно, ни какие-либо другие идеи этатистской переходной модели на пути к анархо-коммунистическому обществу, не были приняты оппозиционной к большевистской диктатуре частью анархистов. Показательно, что проект переходного периода Махно был отвергнут его полевыми командирами.(57) Здесь необходимо отметить, что чаще всего противостояние «статусному» анархизму не носило осознанного характера и осуществлялось в практическом, а не в теоретическом плане. Ведь повстанческие движения, находившиеся под безраздельным руководством анархистов, такие как махновщина, алтайское восстание 1920 г., проходили под анархистскими лозунгами. Так, в программных документах и листовках алтайских повстанцев прямо говорится о борьбе за «вольные трудовые федерации», «анархию», «безвластие».(58) В программных документах, публицистических, теоретических и пропагандистских произведениях участников махновского движения проводятся лозунги «анархической коммуны», «безвластных» советов («не властных», а «совещательно-исполнительных» органов), «безвластного советского строя», «Украинской Безвластной Трудовой Федерации» и т.п.(59) Тем не менее, во многих случаях повстанческие движения за «третью революцию», во главе которых стояли анархисты, не провозглашали открыто свою приверженность анархистским идеям, ограничиваясь достаточно популярными среди крестьян требованиями: полновластие Советов, избранных на альтернативной демократической основе при пропорциональном представительстве; свобода слова, печати и собраний для социалистических партий; свобода собраний, рабочих и крестьянских организаций; ликвидации органов ЧК и политического контроля, сокращение государственного аппарата; отмена продовольственной развёрстки и введение свободного продуктобмена города и деревни; свобода сельскохозяйственного и кустарного производства без наёмного труда.(60)

Примечания:

- (1) Голованов В.Я, Нестор Махно. М. 2008; Канев С.Н. Октябрьская революция и крах анархизма (борьба партии большевиков против анархизма, 1917 — 1922). М. 1974; Кривенький В.В. Анархисты-коммунисты // Политические партии России. Конец XIX — первая треть XX века. Энциклопедия. М. 1996. С. 36 — 38; Его же. Анархисты-синдикалисты // Политические партии России. Конец XIX — первая треть XX века. Энциклопедия. М. 1996. С. 38 — 40; Сапон В.П. Терновый венец свободы. Либертаризм в идеологии и практике российских левых радикалов (1917 — 1918 гг.). Нижний Новгород. 2008; Скирда А. Нестор Махно, казак свободы — 1888 — 1934. Гражданская война и борьба за вольные советы в Украине 1917 — 1921. Париж. 2001. С. 32; Суворов В.П. Анархизм в Тверской губернии: вторая половина XIX в. - 1918 г. Дисс. на соиск. уч. степени канд. ист. наук. Тверь. 2004; Штырбул А.А. Анархистское движение в Сибири в 1-й четверти XX века: Антигосударственный бунт и негосударственная самоорганизация трудящихся: теория и практика. Ч. 2. Омск. 1996; Шубин А.В. Анархистский социальный эксперимент. Украина и Испания. 1917 — 1939 гг. М. 1998; Его же. Анархия — мать порядка. Между красными и белыми. М. 2005. Под социальными преобразованиями в этих исследованиях, как правило, понимается комплекс реформ, проводимых политическими силами на подконтрольных им территориях. См.: Шубин А.В. Анархистский социальный эксперимент. С. 3.
- (2) Канев С.Н. Ук. соч.; Сапон В.П. Ук. соч.; Скирда А. Ук. соч.; Суворов В.П. Ук. соч.; Штырбул А.А. Ук. соч. Ч. 2; Шубин А.В. Анархистский социальный эксперимент; Его же. Анархия — мать порядка.
- (3) См., например, Корн М. [Гольдсмит М.И.] Революционный синдикализм и анархизм. Борьба с капиталом и властью // Образ будущего в российской социально-экономической мысли конца XIX — начала XX века. М. 1994. С. 348 — 351; Кропоткин П.А. Хлеб и воля. Современная наука и анархия. М. 1990. С. 520 — 525.
- (4) Корн М. [Гольдсмит М.И.] Революционный синдикализм и анархизм. Лондон. 1907; Кропоткин П.А. Наше отношение к крестьянским и рабочим союзам // Листки «Хлеб и воля». 1906. № 2. 14 ноября; Новомирский Д. [Кирилловский Я.И.] Из программы синдикального анархизма. Б.м. 1907; Оргеиан К. [Гогелия Г.И.] О рабочих союзах. Лондон. 1907.
- (5) Гончарок М. Очерки истории еврейского анархистского движения (идиш-анархизм). Иерусалим. 1998. С. 217 - 218. Идеи Мэрисона подверглись радикальной критике, в том числе, и со стороны российских анархистов. Как пример точки зрения оппонента см.: Рощин. [Гроссман И.С.] На старые темы. Заметки // Рабочий мир. Год II. Февраль 1914 г. Серия II. № 1. С. 7 — 9.
- (6) Пато Э., Пуже Э. Как мы совершим революцию. Пг., М. 1920; Производственный синдикализм: (Индустриализм): сб. статей. М. 1919. Эстетические элементы в этих проектах отмечали и комментировавшие их оппоненты. Мнение анархистов о взгляде на будущее в программах ВКТ и ИРМ, аналогичное изложенному нами см.: Кропоткин П.А. Предисловие // Пато Э., Пуже Э. Как мы совершим революцию. Пг., М. 1920. С. 6, 7, 8; Шапиро А. Предисловие // Производственный синдикализм: (Индустриализм): сб. статей. М. 1919. С. 3 — 11.
- (7) Боровой А.А. Общественные идеалы современного человечества. Либерализм. Социализм. Анархизм. М. 1906. С. 88.
- (8) Ветров И. С. Анархизм, его теория и практика. СПб. 1906. С. 11 — 12.
- (9) Кропоткин П.А. Анархия, её философия, её идеал. М. 1999. С. 704 – 707, 712, 717, 758; Маркин В.А. Неизвестный Кропоткин. М. 2002. С. 355, 370.
- (10) ГАРФ. Ф. 1129. Оп. 1. ед. хр. 733. Л. 1. См. там же: “Причём я лично считаю, - писал он, - что везде д[олжен]. б[ыть]. договор (как британские тред-юнионы на своих

конгрессах), а не указ”.

(11) Раевский [Фишелев Е.] О революционном синдикализме // Голос труда. Год V. № 46. 30 июля 1915 г. С. 2; Он же. Анархо-синдикализм и критический синдикализм. Нью-Йорк. 1919. С. 6, 67 – 68.

(12) [Волин] Неизбежное началось // Голос труда. № 133. April 13. 1917. С. 1; Его же. Конец ли это? // Голос труда. 20 октября (2 ноября) 1917; Революция и её задачи // Коммуна. № 1. 17 марта 1917. С. 1 — 2. Характерно, что и в работах ряда историков процессы радикальной демократизации всех сфер общественной жизни получили наименование «революция самоуправления» и «Великая российская либертарная революция». См.: Сапон В.П. Указ. соч. С. 8 — 9; Чураков Д.О. Русская революция и рабочее самоуправление. 1917. М. 1998. С. 7; Его же. Самоуправление рабочих в русской революции // Община. Независимый социалистический альманах. 1998. № 51. С. 5.

(13) Рабочий путь. № 1. С. 7.

(14) Атабекян А.М. Перелом в анархическом учении. М. 1918. С. 3; Его же. Основы земской финансовой организации без власти и принуждения. М. 1918. С. 5 - 13; Его же. Социальные задачи домовых комитетов. М. 1918. С. 10, 26 — 27; Его же. Против власти. М. 1918. С. 73.

(15) Гроссман-Рощин.И. Октябрьская революция и тактика анархистов-синдикалистов // Голос труда. 1919. ? 1. С. 10.

(16) Нерсей. А.Я. Профессиональное движение и анархизм // Вольная жизнь. № 9. Январь 1921. С. 9 – 10; Головинский. М. "Картонный коммунизм" // Вольная жизнь. № 1. Май - ноябрь 1919. С. 18 - 19.

(17) Скирда А. Указ. соч. С. 32; Суворов В.П. Указ. соч. С. 232, 276; Штырбул А.А. Указ. Соч., Ч. 1. С. 144, 166; Ч. 2. С. 190.

(18) Скирда А. Указ. соч. С. 37.

(19) Там же. С. 41.

(20) Там же. С. 32.

(21) Подшивалов И.Ю. Вожак черемховских шахтёров // Вся неделя. 2.08.2003. С. 6; Штырбул А.А. Ук. соч. Ч. 1. С. 146.

(22) Суворов В.П. Указ. соч. С. 232 — 233.

(23) Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине. С. 63 — 64; Подшивалов И.Ю. Указ. соч. С. 6; Штырбул А.А. Указ. соч. Ч. 1. С. 146.

(24) Скирда А. Указ. соч. С. 33 — 35; Суворов В.П. Указ. соч. С. 232 — 233.

(25) Скирда А. Указ. соч. С. 33 - 34.

(26) Штырбул А.А. Указ. соч. Ч. 1. С. 144; Ч. 2. С. 183 — 184.

(27) Там же. Ч. 1. С. 144; Ч. 2. С. 183 — 185.

(28) Там же. С. 38; Суворов В.П. Указ. соч. С. 233.

(29) Скирда А. Указ. соч. С. 36.

(30) Там же. С. 73.

(31) Штырбул А.А. Указ. соч. С. 49.

(32) Скирда А. Ук. соч. С. 67 — 69.

(33) Там же. С. 69, 74.

(34) Штырбул А.А. Ук. соч. Ч. 2. С. 14.

(35) Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине. С. 14 — 16; Скирда А. Ук. соч. С. 139.

(36) Там же. С. 135, 137 — 139; Шубин А.В. Анархистский социальный эксперимент. С. 62.

(37) Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине. С. 210 — 211.

(38) Скирда А. Указ. соч. С. 134 — 136, 139; Шубин А.В. Анархистский социальный эксперимент. С. 61, 67.

(39) Там же. С. 137, 139 — 140; Шубин А.В. Анархистский социальный эксперимент. С. 61.

- (40) Скирда А. Указ. соч. С. 138.
- (41) Шубин Анархистский социальный эксперимент. С. 78 — 79.
- (42) Суворов Ук. соч. С. 278, 286, 320, 323.
- (43) Там же. С. 279.
- (44) Там же. С. 282.
- (45) Там же. С. 351.
- (46) Там же. С. 351.
- (47) Там же. С. 337.
- (48) Там же. С. 328.
- (49) Там же. С. 328 — 331.
- (50) Там же. С. 343.
- (51) Там же. С. 264, 348 — 349.
- (52) Там же. С. 320, 333; Суворов В.П. Производственный федерализм П.А. Кропоткина и попытки его осуществления на Тверской земле (к истории создания и деятельности Бежецкой трудовой земледельческой коммуны) // Пётр Алексеевич Кропоткин и проблемы моделирования историко-культурного развития цивилизации. Спб. 2005. С. 207 — 209.
- (53) Суворов В.П. Анархизм в Тверской губернии. С. 336 - 337.
- (54) Там же. С. 315 - 317.
- (55) Там же. С. 329.
- (56) Там же. С. 325, 357 - 358.
- (57) Шубин А.В. Махно и махновское движение. М. 1998. С. 146 – 147.
- (58) Штырбул А.А. Указ. соч. Ч. 2. С. 46 - 47, 81 — 83.
- (59) Анархисты. Документы и материалы. Т. 2. С. 351 — 351, 354 — 361; Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине. С. 205 — 206, 290 — 291, 487.
- (60) Ермаков В.Д. Указ. соч. С. 111 — 112, 114 — 115; Штырбул А.А. Указ. соч. Ч. 2. С. 70 — 71, 83, 91; Эврич П. Восстание в Кронштадте. 1921 год. М. 2007. С. 76 — 77; Яценко В.Г. Антибольшевистское повстанчество в Нижнем Поволжье и на Среднем Дону: 1918 — 1923. М. 2008. С. 77.